

ор 91
Д 83

К. ЛУТИНА

БЕРДСКАЯ СЛОБОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

78965

~~66315~~

РАБОЧАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА I СТУПЕНИ
СЕРИЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ

К. ЛУГИНА

Ор 91
183

КНИГО-
ГРАФИЧ.

БЕРДСКАЯ СЛОБОДА

О ВОССТАНИИ КРЕСТЬЯН
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

КОМПЬЮТЕРНО УЧЕБНИКАМ ПРИ ГЛАВНОМ
ДОПУЩЕНО ДЛЯ ШКОЛ I СТУПЕНИ

Рисунки В. Бордиченко

1961
ОБЩЕОБЩЕОБЩЕ

252

Учредительная
общественная библиотека
литература № 10

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1930 • ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госизмата

«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ».

Москва, Краснопролетарская, 16.

в количестве 15 000 экз.

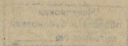
Годовик № А—76329

11—82 Гол. № 02618

Знаки № 1235

4 п. л.

☆

«ПУГАЧ»

Судя тут граф Панин вора
Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Еме-
льян Иванович,
Много ли перевешал князей и
боярей?»
«Перевешал вашей братьи семисот
семь тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не
побалсася:
Я бы чину-то прибавил, спину-то
поправил,
На твою-то бы на шею паровни-
ны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше
подвесил».

I

Исторический очерк

Был «блестящий век» Екатерины. Огромная монархия русских царей все расширялась новыми завоеваниями. Присоединен Крым с Новорос-
сией, захвачен большой кусок развалившейся Поль-
ши, ведется победоносная борьба с Турцией. Импе-
ратрица, ловкая и властная женщина, энергично
ведет свое большое хозяйство—российское поме-
щичье царство. Она милостиво покровительствует
наукам и искусствам. Ее столица—город Санкт-
Петербург—одна из самых красивых и оживленных

в Европе. Ее дворцы строят и украшают лучшие художники. Ее окружает блистательный и веселый двор, привлекающий любопытных иностранных гостей из самых дальних краев. Благодарное дворянство, осыпанное ее милостями, прозвало ее «матерью отечества». И правда, для них она была настоящей матерью. Дворяне освобождены от обязательной до сих пор военной службы. Они щедро награждаются именьями и крестьянами, множество еще свободных крестьян превращаются в крепостных. Наступает самый расцвет крепостного права, и помещики благоденствуют.

Богатства помещиков исчисляются странной единицей — душой, и душа эта — крестьянская. Владелец нескольких десятков душ — мелочь, о которой не стоит говорить, «мелкопоместный». Сотня душ — это уже кое-что. Богатство начинается с тысячи душ. Вельможи владеют десятками тысяч душ. Души можно продавать, менять и закладывать. Эти смиренные души — сотни тысяч душ, миллионы, вся Россия — своими руками, своим рабским трудом создают благосостояние помещиков, поддерживают роскошь двора и весь блеск великой империи.

Не раз и не два крестьяне делают попытку стряхнуть с себя власть господ. Самое большое восстание, охватившее громадный край, увлекшее большие массы народа, началось среди казаков.

Казаки не были крепостными, они даже пользовались известными «вольностями», но гнет самодержавной власти был так велик, что взбунтовалось и «вольное» казачество.

На просторном дворе казацкой хаты в одной из станиц на Дону смиренно стоит оседланный конь и косит глазом на хозяина. Казак поднял четырехлет-

него сынишку и сажает его в седло. Пора приучаться к седлу казацкому сыну. Мальчуган смеется,

с восхищением и со страхом уцепившись за гриву лошади.

— Держись, сынок, не робей, казаком будешь,— говорит отец.

Мать, пригорюнясь, смотрит с крыльца.

Этот чернуглазый казаченок, может быть, и был Емельян Пугачев. Он тут родился, в Зимовейской станице. Тут бегал он с мальчишками сверстниками. Отец рано стал приучать его к полевым работам. С ранней весны, как только сойдет снег и солнце прогреет землю, как только зашевелиятся на полях хлеборобы, приходилось вставать до зари и по росе выходить на поле. Крепкий, ловкий парень понемногу стал справляться со всеми работами хлебопашца.

Еще подростком учится он, разбирать и чистить ружье. Постепенно привыкает рука к оружию. Отец стал брать его с собой на охоту... Тем и закончилось образование Емельяна. Грамоте он обучен не был. Для доброго казака это было совершенно не обязательно в те времена. Грамотные вообще редки были.

С семнадцати лет парень стал взрослым казаком и зачислен в Донское казачье войско. Пора женить, решил отец. Невеста была присмотрена и выбрана заранее матерью и отцом—красивая казачка той же станицы, семнадцатилетняя Софья, дочь Дмитрия Недюжева. Шумную и пьяную отпраздновали свадьбу, со сложными старинными обрядами. Молодежь устраивала джигитовки и палила в небо из ружей. Но только неделю молодые пожили вместе. Юному казаку пришлось идти в свой первый поход, в да-

лекий поход—в Пруссию. И хоть и случалось Емельяну в будущем возвращаться домой, проводить иногда целый год, а то три или четыре подряд дома, но надо считать, что уже с этого времени началась его скитальческая жизнь, полная удивительных приключений, трудная, пестрая и недолгая, завершившаяся трагическим концом.

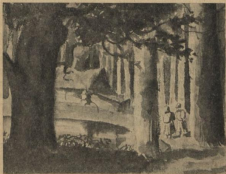
Итак несколько следующих лет прошли у молодого казака попеременно в походах и побывках дома. Многие страны и народы проходит он, становится привычным кочевое походное житье. В прусском походе Емельян Пугачев был сделан ординарцем полковника. Но тут стряслась крупная неприятность: полковник приказал наказать его плетью по подозрению в краже. Побывал затем Пугачев походом и в Польше. Подоспела Турецкая война,—и вот казак уже хорунжим¹ у графа Панина при осаде Бендер. Тут свалила его какая-то злокачественная болезнь, от которой на всю жизнь остались у него знаки на теле. Эти знаки сыграли впоследствии свою роль в его жизни. Вернувшись наконец из этого похода домой, вздумал Пугачев съездить в Таганрог, навестить родных. Была там у него сестра замужем за одним казаком. Это родственное посещение приняло неожиданный оборот. У дяди вышли какие-то недоумения по службе, он решил бежать, и Пугачев помог ему в бегстве и вообще принял настолько горячее участие в его делах, что наконец вынужден

¹ Хорунжий — офицерский чин в дореволюционных казачьих войсках.

был сам, бросив службу и дом, спастись бегством, боясь преследований начальства, которое шутить не любию. Злополучный зять в конце концов вернулся домой с повинной, но в необычной судьбе Пугачева с этого времени наступил резкий поворот. Прежняя жизнь рядового казака, смена походов и хозяйственных забот на своем клочке земли,—кончились, оборвались навсегда. Беспокойный, ищущий дух увлек его на путь приключений, поисков чего-то лучшего, «места, где лучше жить». Он бежал в торское казачье войско, где быстро был избран атаманом, но там его арестовали и посадили на цепь за побег со службы. Опять бегство, новый арест и новый побег. Начинаются скитания по раскольникам. Это люди, которых всегда преследовало царское правительство; они охотно принимали и укрывали от царской расправы.

В те времена в широком российском царстве, среди обширных степей и непроходимых лесов много еще было таких мест, куда не проникал взгляд жестокого и придирчивого начальства, где и властей никаких не было, разве что наездом. Поди нищи человека по маленьким скитам, разбросанным в дремучих лесах. Еле заметные тропки по болотам и почти девственному лесу служат единственными путями между затерянными в чаще кельями. В скитах свои разведчики, во-время предупреждающие об опасности, свои верные люди, поддерживающие сношение с внешним миром. Там человек может затеряться бесследно, навсегда уйти из жизни.

Но деятельному человеку надо вернуться в жизнь, как только миновала непосредственная опасность, надо принять какое-то участие в людских делах. На все есть свои способы. И вот беглый казак в Стародубском монастыре выслушивает советы и напутствия опытного старца Вассиана...

Надо бежать в Польшу. А оттуда сейчас же можно вернуться открыто через границу, назвавшись польским выходцем. Таких людей русское правительство охотно принимало и позволяло им селиться где угодно. И вот беглец, пробыв неделю в Польше, возвращается в Россию, и даже под своим настоящим именем, получает паспорт. Что же дальше делать? Тянет опять поближе к своим местам, но там-то и опасно, могут узнать. И опять приходится

скрываться, опять скиты, странствования на Ир-
тизе¹, опять зеленые заволжские леса в непролазных
чащах скрывают беглеца. Большие полноводные
реки пересекает он на рыбачьих челнах. По берегам
рек лесами растут густые, глубокие рощи камыша.
Челнок с трудом пропихивается сквозь частые за-
росли, а ближе к берегу тонкая и болотистая поч-
ва, где надо брести по колено в воде. Сыро и душно
тут. Человека преследуют гудящие облака комаров,
до кровавых язв искусывающих кожу. Зато нет убе-
жища надежнее, чтобы отсидеться от неприятной
встречи. Долго ли скитаться? Чего ждать впереди?
У беглеца появляется мысль: хорошо бы собрать
всех казаков, кому также немила эта жизнь и тяжела
служба (а таких немало), и увести их на вольные
земли, за Кубань, на новую вольную жизнь.

II

В больших, густо населенных станицах на реке
Яике казаки занимались, как и везде, хлебопаше-
ством, занимались и военным делом—на то казаки!
Главный же доход их был—рыбная ловля. Сторона
привольная, и зверя и птицы много, многоводный
широкий Яик богат всякого рода рыбой, и хлеб есть,
и жалованье казакам из казны идет за военные тру-
ды. Казалось, что здесь спокойно и хорошо живет
людям. На самом деле было не так. Как и везде на
Руси, людям житья не было от богатых и сильных
и от начальства. И здесь даже хуже, чем в других

¹ Иртиз — район рек Большого и Малого Иртыша в Заволжье.

местах. На окраинах, вдали от столиц, от верховной власти, всякий начальник был царь и бог. В яицком казачьем войске разжирели, отъелись атаманы, много себе воли забрали. Лучшие рыбные ловли у них в руках, общественной казною распоряжаются как хотят. Главный атаман месяцами казакам жалованье задерживает. Все это не раз уже вызывало волнения среди казаков, и каждый раз правительство беспощадно заглушало их. На этот раз дело усложнилось еще тем, что казаки были напуганы слухами о наме-

рению правительства образовать из казаков какой-то легион и ввести их в состав регулярного войска. Этого казаки боялись больше всего. Какова была тогда солдатская служба, видно уже из того, что и солдаты часто отдавали людей в наказание за какое-либо преступление. Казаки решились тайком снарядить послов в Петербург к царице с жалобой на атаманов и с просьбой о справедливом решении их дел. Во главе посольства поехал казак Перфильев, впоследствии один из видных сотрудников Пугачева.

И вот приехал из столицы расследовать дело генерал Траубенберг. Притихли казаки. Ждут, что бу-

дет. Скоро стало известно, к чему привело расследование. Генерал живо поладил с атаманом, тот оказался во всем прав, и жалобщики же были наказаны. Дольше казаки не могли сдержать негодования. Спокойные улицы Яицкого Городка зашумели, площадь перед домом атамана наполнилась возбужденной толпой. Шум, крики. Вот цветной богатый кафтан мелькнул на крыльце. Войсковой атаман вышел. Пытается говорить, требует повинования. Но один вид его привел толпу в ярость. Крыльцо трещит под напором людской массы. Как волной смыло атамана с крыльца. Недолгая борьба, и вот опять он вознесся над толпой, только на воротах с петлей на шее. Генерал вздумал стрелять по толпе. Выдвинуты были даже пушки. Но людским напором снесло и их. Тут впервые выдвинулся в качестве предводителя казак Шигаев, тоже будущий товарищ Пугачева. Генерал Траубенберг был изрублен саблями у ворот своего дома. Были убиты еще несколько человек из свиты генерала и из неугодных казакам старшин. Это произошло в январе 1772 г. Несколько месяцев продолжались волнения. Казаки силой сопротивлялись высланным против них войскам, но наконец вынуждены были покориться.

Неизбежное наказание тяжко обрушилось на казаков. Наехала следственная комиссия из столицы, начался разбор дела, полилась кровь и посыпались наказания. Рубят головы казакам, секут плетями, ссылают и отдают без срока в солдаты. Слезы и вой в осиротелых семьях. Ропот среди казачества. «Нет правды на свете. Долго ли еще терпеть?» Таин-

ственные слухи ползут: «Вот кабы правда, что государь Петр Федорович жив! Его хотели убить, но он спасся, скрывается среди народа, сам, своими глазами видит нужду и горе народное. Если б мы помогли ему на престол сесть, досталось бы тогда всем генералам и начальникам, что служат царице!»

Где-то далеко, в глухих скитах, до беглого казака доходят слухи о том, что делается на Янке. Не пора ли выйти из скитов, поискать себе товарищей, повести их за собой. Куда?—Куда-нибудь на поиски лучшей жизни.

Безлюдною степью идет дорога на Янк. Еле протоптанная, едва заметная дорога. Но редкие странники, день за днем идущие «сиротской дорогой», безошибочно находят свой путь по еле видимым приметам. Иногда ночью далеко виден одинокий костер. Потом след от этого костра служит вехой для тех, кто позже пройдет здесь. Иногда встречается степной умет—постоялый двор—незатейливая постройка возле колодца.

Степь серела на закате, волновалась при ветерке ковыль-трава и пахло полынью. Три всадника, ехавшие в оживленной беседе, расставались на распутии. Двоим надо было, свернув в сторону, пробираться к своей станице, третий хотел до ночи добраться до ближайшего умета.

— Так думайте, казаки,—говорил он на прощанье своим спутникам.—Говорю вам, денег хватит. Мне не деньги важны, а товарищи хорошие. За Кубанью хорошо, однако, если настоящее дело делать, так

надо податься в Турцию. Если надумаете, так знаете, где меня найти.

Путники расстались. Одиноким всадник вскоре за-
видел очертания глиняного строения под дерновой
кровлей—Таловый умет. Отсюда 60 верст до Яиц-
кого Городка. С растерянным видом вышел на-
встречу ' длинноногий человек, с тощей шеей и
встрепанным хохлом на лбу. Это был Степан Обо-
ляев, прозвищем «Еремина Курица». — «И впрямь ку-
рица», — подумал, глядя на него, Емельян Пугачев.

III

Несколько суток провел Пугачев на этом степном
хуторе. Здесь стали завязываться у него знаком-
ства и связи среди яицкого казачества. Чаще других
навещают его казаки — братья Закладновы. Дело об
убийстве генерала Траубенберга было в самом раз-
гаре, и настроение у казаков было подавленное. Тре-
вожные и мнящие слухи росли и распространялись
среди народа. Отчаяние раздавленных и задушенных
людей порождает странные надежды. Упорно дер-
жится слух, что жив царь Петр Федорович. И все
надежды на лучшее связываются с этим именем.
И на Яике, во время суда над бунтовщиками, Пуга-
чев опять слышит то же. Ему все равно, верно это
или нет. Он видит, что это имя может быть могучим
орудием в руках недовольных. Он подхватывает и
подтверждает слух. Невольно естественный ход ве-
щей увлекает его дальше по этому пути. На Яике
Пугачев продолжает набирать себе товарищей, ма-

нит казаков с семьями уйти за ним в Турцию, сулит большие деньги на каждую семью. Его сперва принимали за богатого купца, но наконец стали удивляться, откуда это у купца, хотя бы и богатейшего, могло быть такое поистине царское богатство. Казак Пьянов в простоте души высказал Пугачеву свои сомнения. И как бы невольно у Пугачева впервые вырвалось признание: «Да я ведь и не купец, а государь». Слух получает наконец какую-то почву. Появляются первые приверженцы новоявленного

царя. Решено, что пока не следует ему оставаться на Яике. Он едет в станцию Мечетную, по дороге вербуя сторонников. Но он не доехал до Мечетной. Некий казак Филиппов, совершенно не веря в то, что имеет дело с царем, выдал Пугачева властям. Так как дело было важное, пахло государственной изменой, то арестанта поволокли в Симбирск, а отсюда в Казань. И вот 4 января 1773 г. в Казани в первый раз на допросе перед властями появился самозванный Петр. Впрочем тут Пугачев от всего отрекся. Преступника втолкнули в сырой подвал, выкопанный в земле, в подземную «Черную тюрьму»

под губернской канцелярией. Там должен он был дожидаться решения своей участи. Вспомнил он тут гостеприимные раскольниковы скиты, где так удобно было скрываться, вспомнил опытных и приветливых старцев, помощников в напасти. И признался он своим товарищам по несчастью, что он старовер, раскольник, и терпит безвинно за старую веру. Неведомыми путями слухи из тюрьмы просачиваются на волю и доходят до кого следует. Ловкие руки устраивают побег. Арестанта выгнали на работу с двумя конвойными. И вот—один конвойный усыплен, другой посвящен в дело и бежит вместе с арестантом.

Громы и молнии посыпались из Петербурга на незадачливых казанских властей. Как упустить такого важного преступника?

Среди затейливой роскоши дворцов, среди почтительных придворных неограниченно-самодержавную государыню тревожит время от времени призрак давно убитого мужа. Кажется крепко и не колеблясь стоит когда-то незаконно захваченный престол¹, покорен «верноподданный» народ, преданна гвардия, низко склоняются пудренные парики придворных и восхваляют «мудрую» северную царицу и свои и иностранные философы и поэты. И однако в 1769 г. где-то в Черногории воскрес было Петр III, да, правда, скоро сгинул. В начале 1772 г. какой-то беглый солдат воскресил еще раз беспокойного мертвеца.

¹ Екатерина II взошла на престол, свергнув своего мужа Петра III, после чего его задушили ее приближенные.

Он был казнен. И вот опять появился старый призрак. И каждый раз среди «верноподданных» находят-ся люди, готовые идти за ним против законной госу-дарыни. И нет конца опасениям и беспокойству. И летят строгие приказы: поймать самозванца во что бы то ни стало.

Итак опять воля. Знакомый приют находит бег-лец у «Еремьиной курицы». После долгой дороги, после скитанья по грязным тюрьмам, хорошо попариться в баньке, незатейливой, выкопанной в земле тут же в степи. Хозяин и гость вместе наслаждаются, льют воду на раскаленные камни и окачиваются студеной водой из колодца. Только замечает «Ере-мина Курица» странные знаки на груди у своего гостя. Начинает расспрашивать. У гостя мелькает удачная мысль. Как бы нехотя открывает он хозяину тайну. Не простой у него гость. Ведь это царские знаки. У каждого царя от рождения такие отметки. До сих пор он скрывался в тайне, но скоро настанет пора открыться народу.

Простодушный человек верит вполне. Порешили, что надо открыться Закладным. Это люди надеж-ные. В это-то время как раз и приводили в испол-нение приговор суда в Яницком Городке по делу об убийстве генерала и атамана. Горькая беда сде-лала казаков готовыми на все. Известие, что царь Петр Федорович объявился и находится в Таловом Умете, встретило самый доверчивый прием. На-шлось много желающих увидеть собственными гла-

Замин царя, и Таловой Умет стали навещать частые гости. Мнимый царь Петр III милостиво принимал их и давал обещания освободить казаков от податей и налогов и наградить их деньгами, если они помогут ему завоевать престол. Вокруг Пугачева начало собираться ядро его первых помощников. Скоро появился и один из самых замечательных пугачевцев—молодой казак Зарубин, по прозвищу Чика, человек даровитый, умный и энергичный. Он сразу уяснил положение дела. Казакам, расспрашивавшим его о государе, он прямо объявил: «Пусть это и не государь, а просто донской казак—нам все равно». И это была истинная правда. Назревшему восстанию нужно было знамя.

Долгожданное появление Петра Федоровича было встречено населением настолько хорошо, что стало ясным: надо приступать к решительным действиям. Прежние мечты Пугачева—побег в Турцию во главе отряда смелых товарищей—были отброшены. Он сам не мог бы теперь ограничиться этим, если бы и хотел. Его вела воля его приверженцев—иметь во главе своего царя, вынести его на своих плечах на всероссийский престол и с ним добиться справедливого и хорошего царства. Не мыслили тогда себе люди другого устройства общества. Сейчас плохо—надо хорошего царя, станет народу лучше.

Стояло сухое степное лето 1773 г. В Таловой Умет съехались разом все его посетители, самые решительные сторонники «царя». Зарубин, братья Закладновы, Яков Почиталин, Пьянов и другие. Не

было только хозяина — «Ереминой Курицы». Во время одной из поездок с Пугачевым он был арестован. Гости обращались к Пугачеву со всяческими признаками глубокого почитания, должного такой важной особе. На сожженной летним зноем степной траве, в тени убогих строений, разместились казаки на важное заседание. А на закате солнца на четыре

стороны разъехались с хутора, далеко чернея в степи. И опустел степной умет. Пугачев с Зарубиным отправились на реку Усиху, на Кожевниковы хутора, чтобы там переждать, пока подымутся казаки. Их сопровождал молодой грамотный казак, Яков Почиталин, первый секретарь «царя Петра Федоровича». А двое казаков поехали в Яик — объявить войску о появлении государя и взять знамена для похода.

Комендант Яицкого Городка, полковник Симонов, первый узнал о движении среди казаков. Спешно снарядил он небольшой отряд на реку Усиху. Но Пугачев не стал дожидаться его там. Он хоронится по дальним хуторам, пока наконец на хуторе Толкачева его не нашли восемьдесят казаков, ушедших с Яика—первый зародыш его будущих полков. И вот, утром 17 сентября 1773 г. торжественно вышел государь к своему войску и его секретарь прочитал первый манифест царя. Государь милостиво обращался к верным подданным: «Как вы, други мои, прежним царям служили... так и вы послужите за свое отечество мне, великому императору Петру Федоровичу... и жалую я вас: рекою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом и порохом, и хлебным провиантом. Я, великий государь император, жалую вас Петр Федорович». С радостными криками развернули казаки знамена и под предводительством самого царя двинули в поход на Яик. Одновременно во все стороны по хуторам полетели гонцы собирать людей к государю.

Началась пугачевщина.

IV.

Когда-то необъятные степи за Волгой и за Яиком принадлежали только полудиким кочевым пастушеским племенам — башкирам, киргизам, калмыкам.

Они водили там свои стада косматых выносливых коней, голенастые верблюды переносили с кочевья на кочевье их войлочные юрты, скуластые смуглые

женщины доили кобылиц на становьях. Они сражались между собой за пастбища и угоняли скот друг у друга. У них были свои вожди, были и свои богачи, владельцы огромных стад. И так широки были степи, что казалось границею им служит только небо. Но медленно и неуклонно надвигался на них их общий враг—царская Россия, крупный хищник с большими аппетитами, страна оседлая, нуждавшаяся в землях для хлебопашества. В течение столетий все больше отодвигалась граница кочевников, все теснее становилось их стадам. Русские магнаты захватным порядком занимали степные пастбища. Царские чиновники, суд и войско охраняли их владения. Кочевники, пытавшиеся восстановить свои права, становились преступниками перед законом. Вместе с новыми хозяевами в степь грубо внедрялась культура оседлого, феодально-помещичьего государства. Кочевники должны были платить большую подать государству. Их заставляли креститься в православную веру и оплачивать расходы церкви. На отнятые у них земли переселялись целыми деревнями крепостные из России. И вот плуг взрывает степную новину и колосятся нивы, работают жницы и косари. Приказчики объезжают обширные поля на бойких степных лошадах, и стонут крепостные на работе. И торговые города и укрепленные крепости уже появляются в степи.

Скоро весь этот край взволновал слух, что умерший царь Петр Федорович жив, идет с казаками добывать себе престол, обещает волю народу, велит бить и вешать чиновников царицыных и поме-

щиков. И при появлении первых казачьих отрядов занималась там и тут «пугачевщина». Восставшие крепостные громили усадьбы, качались на воротах трупы помещиков и их приказчиков, ночами степное небо окрашивалось заревом горящих имений и на отблеск пожаров из глубины степи, как волки на добычу, тянулись кочевники, и в панике спасались бегством бары-помещики и царские чиновники при одном имени того, кто стал для них «Пугачев».

Но раз край был занят войсками «царя», там водворялся своеобразный порядок и налаживалась более или менее правильная жизнь. Имения, которые крестьяне не разрушили под горячую руку покинутые своими владельцами, оставались нетронутыми. Сельские старосты смиренными «репортажами» спрашивали позволения атаманов распорядиться господским хлебом и скотом.

Не легко было иной раз удержать в повиновении башкир: у кочевников разгорались глаза на откормленный барский скот. Но атаманы строго взыскивали за всякие насилия и по возможности поддерживали порядок.

В это время царица вела войну с Турцией, и северной же границе угрожали шведы. Понадобилось на шведскую границу перебросить войска. И вот правительство решило снять старинные драгунские полки со всех многочисленных крепостей Оренбургской, Яицкой и Илецкой линий. До самой Сибири все эти укрепления остались на полной воле линейных казаков. А казаки стали ненадежны. Кое-где в небольшом количестве имелись солдаты

Часто старики и инвалиды, которые серьезно в счет не шли.

При таких условиях восставшим не стоило труда захватить целый ряд яицких форпостов. Илецкий Городок сам сдался, взяты крепости: Рассыпная, Нижне-озерная, наконец сильная крепость Татищева, где присоединился к Пугачеву сотник Падуров со своими казаками. Гарнизон этих крепостей часто сдавался восставшим и увеличивал их ряды.

Екатерининские солдаты, по форме того времени, носили волосы, заплетенными сзади в короткую косу. Тем из них, которые переходили на сторону повстанцев, отрезали косу и «стригли их в казаки». К войску Пугачева приставали все новые отряды казаков, восставшие крестьяне, башкиры, киргизы и черемисы. Скоро у него уже собралось 3000 войска. Пугачев решил идти на Оренбург. Этот город был центром управления краем, откуда передавались приказы далекой столицы. Казакам казалось, что весь край будет в их руках, если взять этот город. И вот 5 октября 1773 г. началась осада Оренбурга. Крепость эта, имея довольно слабый гарнизон, была однако хорошо укреплена, и пугачевцы не смогли взять ее приступом. Осада скоро перешла в блокаду. Надо было брать город измором.

И потянулись долгие месяцы под стенами Оренбурга.

Прошла осень и началась зима, снежная и суровая тепная зима, с буранами и гололедицей. Казаки расположились лагерем вокруг городских стен,

на расстоянии недоступном для крепостных пушек. Дни проходили в мелких стычках с осажденными. Казаки небольшими группами гарцовали на конях, подъезжая на выстрел к стенам, иногда затевали перебранку и перестрелку с солдатами и бросались врассыпную, когда пальба со стен разгоралась всерьез. Осажденные делали иногда «высылки»¹. Раскрывались крепостные

ворота, строились солдаты, выкатывались пушки. Далеко от стен уходить боялись, чтобы не быть отрезанными. Недолгая схватка,—и стороны расходились с небольшими потерями. Иногда казаки

¹ Высылки.

устранивали приступ. Осажденные отбивались. Все крепостные орудия рывкали, наполняя воздух густым пороховым дымом. Пушки-единороги выбрасывали чиненные гранаты. Население города, забравшись на крыши, с любопытством следило за жутким зрелищем. Очевидец осады, оставивший дневник, пишет на языке того времени: «На кровлях обоего пола зрителей было великое множество»... В городе начинался голод, нехватало хлеба, не было корма для лошадей. По ночам казаки выслеживали фуражиров, выходивших из крепости за сеном, за осокой и тальником. Часто казаки брали их в плен, но нередко те сами передавались осаждавшим. Вообще стали учащаться случаи бегства из крепости и перехода на сторону восставших. Но крепость упорно держалась. Генерал Рейнсдорп, комендант Оренбурга, вообразил, что на мятежников, державших его в осаде, почти заморивших голодом весь город, можно подействовать увещаниями. Он придумал послать кого-нибудь в лагерь Пугачева со своими письмами и выбрал для этого подходящего, как казалось ему, человека. Это был некто Хлопуша, ссыльный, которому за выполнение поручения обещали прощение всех грехов. Но вышло так, что генерал лишь доставил Пугачеву одного из самых энергичных его помощников. Пугачев увидел перед собой человека, лицо которого было изуродовано варварским наказанием, — у него рукою палача были вырваны поздри. Он обычно носил сетку на лице или прикрывал лицо рукавом, как бы от холода. Один историк говорит

о Хлопуше, что его жизнь была наполнена «не столько тяжкими преступлениями, сколько суровыми, бесчеловечными наказаниями». Прямая дорога ему была в лагерь Пугачева. Хлопуша стал его приближенным и вполне оправдал доверие, которое ему оказал Пугачев.

М

Итак, осада Оренбурга затянулась. Пугачев царь Петр Федорович, устроил свою резиденцию недалеко от города, в Бердской слободе. Там царя-самозванца имеется своеобразный двор, его окружают «генералы», при нем состоит «военная коллегия» и слободу Берду именуют Москвой. Сущая пышность окружает Пугачева: согласно наивным представлениям народа о царской роскоши—царь должен в золоте ходить. Пугачев среднего роста, широкоплечий крепкий человек с живыми черными глазами. Богатая одежда его сделана по образцу казацкой. Кафтан на нем парчевый, сапоги красивые, шапка сделана из золототканых церковных покровов. Ездит он на прекрасных лошадях. Не только Берда называется Москвой, Кургала—Петербургом, а Сакмара—Киевом, но и генералы царя носят титулы и фамилии высших сановников императрицы. Например Зарубин—граф Чернышев, Шигаев—граф Воронцов, Овчинников—граф Панин.

Все дела решаются в военной коллегии. Там Хлопуша, Кожевников, Лыков, Шигаев, Падуров и др. Как велико участие самого Пугачева? Известно, что его «генералы» были сильные, способные и ловкие.

люди (Зарубин, Хлопуша, Иван Белобородов), проявлявшие живую деятельность бок-о-бок с Пугачевым, а в случае надобности,—и в самых далеких от центра восстания краях. И недаром же у Пугачева вырвалась жалоба: «улица моя тесная. Если он и стал государем, то совсем не самодержавным. Он делил свою власть с товарищами. Но они никогда не забывали при народе оказывать ему все знаки наружного почтения и ходили за ним без шапок. Между прочим рассказывают, будто среди окружавших царя имелся казак Коновалов, в наружности которого было много общего с Пугачевым. И вот повелось такое обыкновение: почти всякий день Пугачев переменялся с Коноваловым одеждою. И враги не раз бывали захвачены врасплох неожиданным появлением «Пугача» или сбиты с толку, при известии, что Пугачева видели одновременно в разных местах. Скоро перепуганные на-смерть помещики видели самого «Пугача» в начальнике всякого отряда, делавшего налет на имения.

Все небольшие «фортеции» в окрестностях Оренбурга были в руках восставших. Но у них нехватало оружия, особенно пушек. Отправляли Хлопушу в Авзяно-Петровский завод лить мортиры¹.

Вряд ли кому хуже тогда жилось на Руси, чем заводским рабочим (хотя бы уральским рудокопам)—первым нашим пролетариям.

Владелец завода в то же время владеет и дерев-

¹ Особый вид пушек.

ниями. Стоит деревушка где-нибудь в северном крае, среди сосновых и еловых лесов. Скучные пивы и огороды, недавно только отвоєванные у леса, который надо вырубать и выкорчевывать, убогие черные избы, кое-какое хозяйство. Кое-как кормятся и одеваются в домотканый холст, в лапти и армяки самодельного сукна. По зимам заваливает деревушку по крыши снегом, воеут над ней метели да волки. Староста или приказчик тянут с крестьян подушное барину, выколачивают недоимки. Живется трудно. И барину плохой доход.

И вот однажды входит в деревню отряд драгун. Точно неприятельское нашествие. Без объяснений, без предупреждений хватают всех работоспособных мужчин, даже подростков, забивают их в кандалы и под вой обезумевших семей угоняют навсегда из деревни. Иногда забирают и женщин, чуть ли не все поголовно население деревни, мало заботясь о том, что станет с оставшимися. Несчастных пригоняют на завод и с этих пор прежняя нелегкая жизнь в родной деревушке вспоминается как недоступное счастье. Работа по 16—18 часов в сутки, почти без праздников. Кормят впроголодь, часто несвежей пищей. Никаких мер для безопасности рабочих не принимается вовсе. Приказчик по привычке пересчитывает вечером—«все ли целы». Короткий отдых в вонючих, грязных бараках. Свободного времени еле хватает, чтобы поспать. Всякая провинность, малейший протест, влекут жестокие наказания. Сажают на цепь, секут кнутом. Беспросветное рабство. Ничего мудреного, что за десять лет еще

до появления Пугачева на Урале уже ходили рассказы о том, что царь Петр Федорович жив и даже указывают, у которого мужика в избе ночевал он. Ничего мудреного, что «рудокопы», как только доказалось до них восстание, примкнули к нему, дали мортиры и ядра для казаков и сбирались в отряды, чтобы присоединиться к войску мятежников. И эти отряды показали известную организованность и дисциплину. Когда Пугачев впервые увидал приближающийся к нему отряд рудокопов, он принял их за врага, потому что они шли «стройно», — правильно построенными рядами. Пугачевцы же «стройно» не ходили. Огромная масса его все растущего войска состояла из непривыкших к ратному делу крестьян, вооруженных чем попало, или из кочевников, налетавших беспорядочной ордой. Казаки теперь были в меньшинстве.

Тем временем правительство принимает серьезные меры против мятежников. Генерал-майор Кар с порядочными силами выслан против Пугачева. Выслан также манифест всероссийской самодержицы, взывающий к верноподданным, дабы те одумались и не верили самозванцу. На выручку Оренбурга послан генерал Деколонг. Но царицыны генералы вялы и недейтельны. Вдобавок жестокие морозы мешают передвижению войск. Все-таки Кар решил изловить Хлопушу и начал гоняться за ним. Под деревней Юзевой на свою беду генерал нашел мятежника. Хлопуша, соединившись с отрядами Зарубина и Овчинникова, быстро разбил его. Кар отступил к Бугульме и его не слишком горячий воинственный пыл

остыл совершенно. Он решил расстаться с неприветливой степью и отправиться в Петербург с докладом о положении дел.

Путь его лежал через Казань. Этот большой, богатый торговый город, где через руки татарских купцов проходили московские товары в Персию и персидские на Москву, был переполнен испуганными беглецами. Улицы были оживлены более обыкновенного, проезжали колымаги с важными помещицами в старомодных чепцах, на деревянных тротуарах мелькали фигуры старых помещиков, зашедших в степных деревнях, в мундирах елизаветинских времен. Суетливая дворянка переполняла дома, бегала с поручениями господ, возилась с вещами. Встречались старые знакомые, передавались новости. Неожиданный приезд генерала, посланного разбить Пугачева и усмирить бунт, быстрый отъезд его в Петербург и те немногие сведения, которые сообщал он местным властям, вызвали настоящую панику в городе. Дворянству казалось, что вот уже сам Пугач идет на Казань по пятам отступающего генерала.

До Петербурга Кар не доехал. Его не пустили дальше Москвы и разгневанная императрица дала ему отставку. На его место был назначен генерал Бибииков.

Бибииков был опытный боевой генерал и жестокий усмиритель крестьянских бунтов. Когда он приехал в Москву, проездом к месту назначения, то застал столицу в крайне беспокойном состоянии.

Съезд бежавших помещиков в Москву был необычайно велик, настроение же крайне тревожное. Крепостные, дворовые люди и фабричные были возбуждены известиями об успехах Пугачева, они плохо повиновались властям, войска же в Москве было мало. Взволнованный народ наполнял оживленные

ми толпами улицы, буйно выражая свое сочувствие самозванцу. Дрожавшие от страха бары едва смели показываться на улицах. Надо было торопиться спасать отечество».

А тем временем в лагере восставших дела шли успешно. Только Оренбург все еще сопротивлялся, но Пугачев не теряет надежды взять его измором. Бородин и Хлюпуша взяли Ильинскую крепость. Занят Бузулук и почти вся Самарская линия. Вся Башкирия восстала. Генерал Деколонг с трудом удерживает за собой екатеринбургские заводы. Сам Пугачев пока попрежнему в Берде. В декабре 1773 г. у него уже 15 тысяч войска и 86 орудий. В тылу пугачевские атаманы производят по мере надобности набор: мобилизуют годных для войска людей, лошадей и набирают оружие. Товарищи Пугачева распростили слух, что на их стороне наследник престола— великий князь Павел Петрович—и вот-вот явится к ним на помощь с войском.

Военные действия повстанцев сопровождает удача. Атаман Арапов взял Самару. Сочувствующему населению выдаются охранные листы...

Станичные и земские избы и канцелярии походных атаманов работают во-всю. Указами, рапортами, доношениями и извещениями обмениваются власти с населением. Военная коллегия рассылает указы на места. Посылаются разведчики следить за движениями неприятельских армий.

Восставшее население твердо верило, что имеет дело с настоящим царем, так же как екатерининские власти твердо убеждены были в том, что служат законной императрице. И обе стороны величают друг друга «злодеями». Пугачевцы доносят ата-

манам: «Злодеи появились в таком-то селе... Злодеи наступают на нас, пришлите пушек».

2 декабря 1773 г. Пугачев издал новый манифест.

В манифестах своих новоявленный царь обещает пожаловать своим сторонников, наградить их землею, рыбными ловлями, лесом, бортами, бобровыми гонами, а также вольностью. Помещиков же, «злодеев и противников против воли моей императорской» лишить их всей жизни—т. е. казнить. К казакам обращается он: «придите ко мне с послушанием... положи оружие перед знаменами моими». Манифесты составляли грамотные секретари царя—Почиталин, Максим Горшков, Иван Творогов.

Восставшей Башкирией управлял Зарубин. ✓

В те времена башкиры были уже наполовину оседлым племенем. С весны уходили они со стадами в степь на летнее кочевье, все лето кочевали по степи, осенью тянулись на зимовку в свои покинутые деревушки в лесистом краю. Деревни эти имели своеобразный вид. Дома срублены из толстейших бревен, почти не в обхват, узкие, подобные щелям, окна, годные служить бойницами, каждый дом—маленькая крепость. Киргизы, враждебные соседи, подстерегают башкирцев на каждом шагу. И вот, после долгого отсутствия возвращаются люди в собственную родную деревню с бесконечными предосторожностями. Мужчины выезжают вперед и, медленно оглядываясь, въезжают в деревню, держа наготове лук и стрелы. А деревушка за лето заросла по пояс густой травой. И бывает—из травы со свистом вылетают стрелы и завязывается бой между

запоздавшими хозяевами и непрошенными гостями. «Дикий человек казак» (киргиз) залег в траве, и башкиру надо еще завоевать себе зимний отдых. Но в последние годы длинные жадные лапы помещицкой Руси заставили башкир и киргизов забыть на время старинную вражду и объединиться перед лицом общего врага.

Лет сорок тому назад в Башкирии уже было восстание, свирепо подавленное правительством, которое не стеснялось в глухом углу своей державы чисто по-азиатски расправляться с непокорными подданными. Несчастных башкир мучили жестокими казнями: сажали на кол, подвешивали на крюк за ребро, память об ужасах усмирения была еще свежа в пугачевские времена. Был у них тогда предводитель Юлай. Он и сейчас еще был жив и принял участие в восстании, но во главе восставших башкир встал его сын, Салават. Это был не только воин, но и поэт. Сложенные им песни стали народными песнями и до сих пор поются в Башкирии. В лагере Пугачева он стал известен как «полковник Салават Юлаев». Ему едва минуло двадцать лет, когда он примкнул к восстанию и, однако, он стал одним из энергичнейших пугачевцев.

Восставшие казаки были встречены с радостью. Зарубин энергично установил свою власть во всей Башкирии и Закамском краю. Он обосновался в селе Чесноковке, под Уфой, против которой повел осаду, и сделал из Чесноковки вторую Берду.

Чика начал деловито хозяйничать во взбудораженной, беспокойной стороне. Управлял разнопле-

менным населением—русскими, башкирами, татарами, черемисами, стараясь не допускать столкновений между ними, иметь присюду глаза и руки. На Рождественском заводе вышел такой случай: башкиры сделали налет на завод. Ограбили. Взяли три пушки, «фузей»¹ солдатских шестьдесят семь, да господских лошадей шесть, да денежной казны две тысячи с чем-то. Оказалось, что казна была заработная плата рабочих, которую еще не успели им раздать. Заводские послали жалобу атаману. «Его высокографское сиятельство, граф Чернышев» (как обычно величали Чику) приказал отобрать у башкир награбленное и раздать зарплату рабочим. Башкиры, правда, почти все деньги сдали в государствену казну, но часть ее, а также оружие оставили себе как военную добычу. Недостаток приказано дополнить из государственных доходов, башкирам же сделан строгий нагоняй. Доходы были, так как казенная продажа соли и вина, перейдя в руки пугачевцев, так и осталась «казенной», только доходы шли не к царице Екатерине, а царю Петру Федоровичу, и его верные сподвижники старались вести дела по возможности в порядке.

Чика приказывал следить за почтой, перехватывать и доставлять ее к нему. Посылал заставы по берегам рек на все переправы дабы никакая «злодейская» команда не могла подобраться незамеченной. На заводах везде устанавливалось выборное правление, утверждавшееся «графом». Чика строго следил,

¹ Род старинных ружей.

чтобы всяческие власти, таманы или старшины не обижали бы население, не брали бы взятки. Разумные распоряжения привлекают к нему симпатии населения и много новых сторонников. Пугачев и военная коллегия доверяют ему вполне.

В конце концов снабжение армии Пугачева под Оренбургом провиантом, деньгами, оружием (даже людьми) почти целиком лежало на Чике. Он приказал, чтобы, делая набор в деревнях по одному человеку от двух или от трех дворов (по усмотрению старшин), брали бы людей не моложе 17 и не старше 50 лет. Ополчения у него набралось до четырех тысяч.

В его разнообразной и широкой деятельности ему помогал ряд энергичных товарищей. Ближайшими его помощниками были казак Иван Кузнецов, носивший титул «главного азиатского и русского войска предводителя», молодой, но стойкий и деятельный Салават, Василий Торпов, родом перс, комендант Нагайбацкой крепости, казак Губанов, «люковник» Бахтияр Канкаев, из мещеряков и др. Но, несмотря на все усилия, Чика терпит неудачу под Кунгуром и Челябинском—эти два города ему не удалось взять.

Генерал Бибииков прибыл в Казань и взялся за дело. Прежде всего он объявил денежное вознаграждение за поимку Пугачева живым. Весь край находится в волнении. Крестьяне громят усадьбы и, вооружившись косами и вилами, толпами примыкают к повстанцам. Дворяне бегут. Почти все крепости в руках пугачевцев, и отряды их бродят всюду.

Дворянство, плохо надеясь на помощь правительства, начинает снаряжать полки за свой счет. Это радует Екатерину и она в милостивом письме сообщает своим дворянам, что и она тоже, как «казанская помещица», снаряжает со своей стороны конный полк.

Но все спокойно на «Тихом Дону». Донские казаки не примкнули к восстанию, не поддержали яицких товарищей. Не вспомнили донцы Степана Разина. За сто лет, прошедших с тех пор, казаки отвое-

вали себе известную самостоятельность, жили помещиками, прежняя беспокойная голытьба повывелась. И Дон стал действительно «Тихим Доном».

Между тем правительство серьезно встревожено. Начинают развивать энергичную деятельность и принимать все меры, чтобы усмирить восстание. Правительственные воззвания нащупывают предателей среди пугачевцев: голова Емельяна Пугачева оценена в десять тысяч рублей.

Кажется царицыно правительство плохо надеялось на то, что с Пугачевым быстро удастся спра-

виться силой. А для того чтобы действовать другими способами—хитростью, подкупом—было нарочно создано особое учреждение—секретная комиссия. Эта комиссия была щедро снабжена крупными денежными средствами, имела обширные полномочия, например право останавливать курьеров к главнокомандующему и вскрывать его почту. Комиссия выехала на место действия, имея намерение как можно ближе подобраться к главным силам Пугачева. Это интересное учреждение состояло всего из двух лиц: гвардии капитана Галахова и майора Рунича. Позже к ним присоединился некий предприимчивый авантюрист, назвавшийся яицким казаком Астафьем Трифоновым. На самом деле это был проторговавшийся купец Долгополов. Этот проходимец ловко водил за нос почтенное учреждение. Он сумел внушить доверие к себе, уверил, что у него тайные связи с яицкими казаками, что они ему Пугачева (за хорошие деньги) живьем выдадут. Он вытянул у комиссии порядочные суммы денег, якобы на подкуп товарищей Пугачева, и с деньгами бежал. В конце концов он был пойман и за все свои прегрешения наказан. Из всей этой затей толку никакого не получилось.

Тем временем была взята под арест семья Пугачева, жена и трое детей. Приказано сжечь дом Пугачева в Зимовейской станице. Оказалось, что семья Пугачева переселилась в другую станицу, и хата та была продана на слом. Но приказ должен был быть исполнен. Несчастный домишко разыскали и вот в одно зимнее утро барабанная дробь привлек-

ла жителей Зимовейской станицы к пустому двору, где посредине на снегу свален был с востов при-
везенный накануне разобранный сруб. На бревнах
кое-где виднелась еще побеленная обмазка. Солдаты
в треуголках оцепили место кругом. Люди бежали
смотреть, наскоро набрасывая одежду, кутаясь от
раннего мороза, теснились ближе, чтобы лучше
видеть. С любопытством и недоумением ждали, что
будет. Чиновник прочел указ, повелевший сжечь
избу, гнездо мятежника и дерзкого самозванца. Сол-
даты подожгли с двух сторон соломой. Старая ру-
хлядь скоро запылала. Этого показалось мало. На
другой день все это место распахали, да еще по-
сыпали солью. Пускай на проклятом месте ничего
не растет. И наконец обнесли все забором.

Главнокомандующий Бибилов и его генералы тре-
буют подкреплений. Войска мало—ведь идет война
с Турцией. Кое-где подкрепления присылаются на
внутренний фронт, но настроение у вновь прибыв-
ших частей настолько ненадежное, что производят-
ся частые аресты среди солдат.

Так или иначе Бибилов решительно переходит
в наступление. И непривычные до сих пор встре-
чать сильный отпор пугачевцы отступили перед
натиском. Первой подалась Самарская линия. Са-
мара взята правительственными войсками. Здесь,
в Самаре, мечтал покрыть себя воинскою славой
молодой поэт Державин, приехавший сюда из сто-
лицы в качестве гвардии поручика усмирять бунтов-
щиков. Он не мало ссорился с военным начальством,
повесил несколько человек крестьян, единственно

для того, чтобы узнать, что при этом чувствуешь, и о своих похождениях во время пугачевщины оставил записки. Впоследствии он стал придворным поэтом и воспевал царицу в торжественно-красивых одах.

Генералы движутся на выручку Оренбурга и по дороге жестоко усмиряют Башкирию. Успех на их стороне. Зарубин отступает на север. Вот уже Заволжье очищено от повстанцев. Но Оренбург и Яицкий Городок еще осаждены пугачевцами, а Хлопуша взял крепость Илецку Защиту.

VII

В это время в лагере Пугачева, осаждавшем Яицкий Городок, было шумно, пьяно и весело. Государь праздновал свадьбу. Давно оторванный от своей жены и семьи, Пугачев вздумал еще раз жениться уже в качестве царя Петра Федоровича. Правда, у Петра тоже была жена—царствующая императрица Екатерина II. Но она преступно отняла престол у мужа и, может быть, хотела его убить. Да еще воевала с ним. Поэтому Пугачев давно объявил, что как только завоюет престол, так сошлет Екатерину в монастырь. Стало быть она в счет не шла. Избранницей царя сделалась дочь казака Петра Кузнецова, хорошенькая шестнадцатилетняя Устинья. Она совсем не годилась в подруги отчаянному бунтовщику. Бедняжке даже не льстило то, что она стала царицей, и она в слезах шла под венец. Устинья догадывалась, что муж ее вовсе не государь. «Иначе,—думала она,—как бы

он женился на простой казачке». Однако к ней были назначены «фрейлины» и «статс-дамы» из яицких казачек, велено было в церквах поминать вместе с царем Петром Федоровичем «государыню императрицу Устинью Петровну», а в лагере торжественно праздновали царскую свадьбу, палили из пушек в знак радости, лилось разливанное море вина, пировали днем и ночью.

Между тем из Берды пришло известие, что князь Голицын с войском идет к Оренбургу. Пугачев поспешно уехал в Берду. Во время его отсутствия Шигаев, Подуров и Хлопуша руководили осадой Оренбурга. Первое же столкновение с войсками князя Голицына было неудачно для Пугачева. Он отступил к крепости Татищевой, с намерением там обороняться. Крепость эта была довольно хорошо укреплена Пугачевым, но натиска превосходящих сил противника все же не выдержала. После недолгого, но кровопролитного боя Татищева крепость была взята приступом, с большими потерями с обеих сторон. Пугачеву едва удалось бежать с несколькими казаками. Он прискакал в Берду, и весть о взятии Татищевой крепости, разнесшаяся в обоих лагерях, привела в смятение приверженцев Пугачева, тогда как противники его, наоборот, воспрянули духом.

В Берде началась паника. Известие, что победоносный враг находится всего в нескольких верстах от них и идет на выручку Оренбурга, привело в полнейшее расстройство беспечный пестрый лагерь.

В те времена, когда не было еще ни телеграфа, ни телефона, служба связи и в регулярном войске

весьма слабо была налажена. Повидимому, связь отдельных районов восстания, отдельных отрядов была первобытно слаба и часто случайна. Возможны были всякие неожиданности. Первоначальные успехи восставших приучили их легко относиться к силам врага. Смешанный, пестрый состав пугачевских войск и плохая дисциплина тоже сделали свое дело. Поездное отступление из Берды превратилось в беспорядочное бегство. Казаки, крестьяне, солдаты, башкиры и киргизы, женщины и дети, все разнообразное многочисленное население Бердской слободы устремилось прочь из нее, верхами или на возах, нагруженных захваченным скарбом или просто пешком, с шумом, криками, руганью и плачем. Бесплодная шестимесячная осада Оренбурга была снята 23 марта 1774 г.

В эти печальные и тревожные часы в первый раз среди ближайших товарищей Пугачева проявилось предательство. Может быть мысли об измене уже раньше имелись в некоторых головах, уже кое-кому представлялся соблазн: спасти себя ценой выдачи главного бунтовщика. И вот Шигаев и Логинов тайно посылают в Оренбург посланца к коменданту Рейнсдорпу с предложением выдать ему Пугачева и Хлопушу. Тут бы и пришел конец бурной жизни этих двух отчаянных людей. Но, видно, еще не пора была. Пока нерасторопный комендант Оренбурга думал, да собирался, да удивлялся, точно ли ему такое счастье выпало, удобный момент был упущен, и Пугачев ушел, может быть, и не подозревая еще, что среди самых близких товарищей его

имеются предатели. Что же касается Хлопуши, то он спасся ненадолго. В Каргале татары схватили его и выдали властям. Ему отрубили голову в Оренбурге.

2 Пугачев отступил к Каргале, и здесь, при реке Сакмаре, был настигнут Голицыным и Бибиковым и еще раз потерпел жестокое поражение. Несколько сот человек были убиты, в плен же попало более трех тысяч, в том числе многие из главных сподвижников Пугачева, почти вся его «военная коллегия»—Шигаев, Почиталин, Падуров и другие.

Правительственные войска хорошо использовали победу, действовали быстро и наносили удар за ударом. Пугачевцы растерялись и дрогнули по всему фронту. Крепостцы Илецкой линии—Озерная, Рассыпная, Илецкий Городок—первые были оставлены. Их занял генерал-майор Мансуров. Три пугачевских атамана—Овчинников, Перфильев и Дегтерев—пытались задержать его движение и напали на него во время тяжелой, трудной переправы через разлившуюся по-весеннему речку Быковку. Но отважные атаманы были разбиты и бежали. Наконец упорная, энергичная осада Яицкого Городка была снята. Уже крепость еле держалась, гарнизон был истощен голодом. Повстанцы настойчиво вели подкопы, громили стены пушками, ожидался решительный приступ. Но пришла роковое известие о поражении и бегстве Пугачева, об успехах правительственных войск, и у осаждавших опустились руки. Они растерялись, испугались и... покорились.

осажденным, к большому их удивлению связав и выдав им своих предводителей—казаков Каргина и Толкачева. Когда Мансуров явился в Яицкий Городок, то вместе с пленными и молодая жена Пугачева—Устинья—была под стражею отправлена в Оренбург.

В это время Чика-Зарубин держал в осаде город Уфу. Подполковник Михельсон послан был против него. Он двинулся на Чесноковку, главный лагерь Зарубина. С обеих сторон столкнулись большие силы, и упорный жестокий бой продолжался несколько часов. Особенно крепко бились башкиры и киргизы—большая часть зарубинского ополчения. Скуластые степные «батыры», в остроконечных рысьих шапках и кафтанах, на маленьких косматых лошадях, вооруженные луком, бросались на врага густой толпой, с отчаянным визгом и воплем, посылая впереди себя быструю стаю стрел. Они не сдавались в плен и сотнями легли на поле битвы. Все их геройство было напрасно. Сила сломила их сопротивление. Жестокий разгром уничтожил зарубинскую армию. Сам Чика бежал, но малодушные товарищи задержали его и в оковах выдали победителю вместе с его помощником Губановым. Оба были отправлены в Уфу.

Итак правительственные войска наступали, затапывая мятеж. Повстанцы отступали на север.

На северном Урале, среди гор, уткнувших голову в облака, густо заросших по пятки лесом, в глубоких долинах, диких ущельях продолжалась партизанская война. Здесь Пугачев встретил поддержку

со стороны заводских крестьян и рабочих, все время поставлявших ему не только пушки, но и артиллеристов из своей среды. Здесь местами население до того ожесточилось, что бросало поголовно свои деревни—жалкую добычу врагу—и из лесной глуши выходили отряды, беспокоившие нападениями царицыны войска. Здесь орудовал атаман Иван Белобородов, сам родом с Урала, отставной канонир

(артиллерист), человек, знавший военное дело и знавший край. Но крепости и тут послужили препятствием пугачевцам,—Кунгур и Екатеринбург взять не удалось, хотя Екатеринбург еле-еле устоял. Зато все деревни между Шадринском и Челябинском были в руках восставших. Мятеж сосредоточился на северном Урале. Там повстанцы еще держались, хотя уже с трудом. Казалось еще немного, и мятеж будет заглушен окончательно. Как вдруг неожиданное событие придало новые силы бунтовщикам. Генерал Бибииков скончался от какой-то болезни в Казани.

УШ

Со смертью Бибикова правительственные войска потеряли опытного вождя. И это сейчас же отразилось на настроении командного состава и на ходе военных действий. И обратно—в мятежном лагере смерть Бибикова немедленно отзывалась новым подъемом восстания. Вся Башкирия поднялась. Пугачев и Белобородов проявляли самую живую деятельность. Опять разрозненные мелкие группы собираются вокруг атаманов в большие отряды. Первые успехи Пугачева значительны. Удалось взять довольно сильную крепость на Урале—Магнитную—и за ней целый ряд других небольших крепостей той же линии.

Но со смертью Бибикова у повстанцев остался еще один сильный враг—подполковник Михельсон.

Назначенный на место Бибикова князь Щербатов не проявил ни достаточных способностей, ни энергии. Прочие генералы боялись решительных действий и полагались друг на друга. Один Михельсон, не в пример прочим, развил большую энергию и вступил в единоборство с Пугачевым. С большой подвижностью гонялся он за Пугачевым по всему Приуралью, тот же с неменьшею ловкостью ускользал от него, уклоняясь от решительного сражения. В то же время он брал одну за другой небольшие уральские «фортеции», разорял и сжигал их, не имея возможности оставлять там свой гарнизон. Михель-

сой шел за ним по следам сожженных крепостей. Раза два столкнулись они. И бывало так: Михельсон разобьет Пугачева, рассеет его отряды, и на другой день снова видит перед собой стройное войско и удивляется, неужели это «вчерашняя сволочь», которую он только что разбил. Отдельные отряды все время беспокоят правительственные войска, центр же восстания передвигается вместе с Пугачевым на запад.

Взять городок Бирск. Осадил Осу. Этот город, защищенный деревянными стенами, упрямо сопротивлялся. Не только батареи жарили картечью, но еще бросали со стен камни, лили горячую смолу и масло на головы осаждавших. Тогда Пугачев придумал хитроумное приспособление. Нагородили огромные воза соломы, осаждавшие спрятались за них и, подвигая их вперед, обстреливали из-за них город. Этого маневра крепость не выдержала и сдалась. Из крепости перестали стрелять. При тихом колокольном звоне распахнулись ворота, и первыми вышли из них солдаты, с распущенными по плечам волосами, в знак полного согласия постричься в казаки. «Наша взяла!»—говорили пугачевцы.

Пугачев переправился за Каму. Тут передались ему два знаменитых пермских завода: Воткинский завод сдался без сопротивления и выдал начальников. Ижевский завод устроил Пугачеву торжественную встречу. Ему поднесли в воротах хлеб и соль. Все рабочие примкнули к его войску.

Итак Пугачев занял оба берега Камы. У него до семи тысяч войска и двенадцать пушек. Открывалась дорога на Казань.

Правительственное командование было настолько беспечно, что не успело во-время укрепить этот город. Генералы заметались, стараясь как-нибудь подвести подкрепления. Но Пугачев передвигался быстрее их и в первых числах июля появился в виду Казани. Войска в городе было самое незначительное количество, поэтому спешно вооружили несколько тысяч горожан.

Пугачев пошел на приступ с четырех сторон сразу. Слабая защита не долго оказывала сопротивление, и 12 июля 1774 г. Казань была взята штурмом. Плохо пришлось несчастному городу. Целые сутки продолжались убийства и грабежи. Особенно свирепы были башкиры. Они привыкли ненавидеть русских и не различали среди угнетателей угнетенных, которые терпели от той же власти, что и башкиры. Они избивали всех, кто попадался под руку и были жестоки к пленным, вопреки распоряжениям Пугачева. А между тем в их собственной среде существовал разлад. Богатые башкиры не слишком сочувствовали восстанию и готовы были при первом удобном случае так или иначе примириться с правительством. Башкиры вообще мечтали освободиться от русской власти, помимо же этого никаких общих интересов с другими своими товарищами не имели и идти походом за пределы Башкирии им не хотелось. Все эти настроения оказали влияние на исход восстания.

Из города вывели пленных и вывезли добычу, разбили тюрьмы и выпустили арестантов, а затем город подожгли сразу с нескольких концов. В это время началась сильная буря. Раздуваемый ветром пожар бушевал почти всю ночь, и почти вся Казань превратилась в угли. Уцелела лишь невзятая крепость, где заперлись несколько тысяч горожан и войска.

В Казани Пугачева ждала неожиданная встреча. Уже месяца три в казанском остроге содержалась жена его Софья с детьми. Внезапно среди толпы пленных Пугачев увидел знакомые лица. Он был взволнован настолько, что прослезился, однако не изменил своей роли. Он тут же объявил своим приближенным, что знает эту женщину,—это вдова его друга, Емельяна Пугачева, когда-то спасшего его от смерти. «Я тебя, бедная, не оставляю»,—обратился он к Софье. С этих пор семья всюду сопровождала его. Он заботился о них так, что они ни в чем не терпели недостатка.

На утро под стенами Казани появился неутомимый Михельсон. Пугачев спешно отозвал свое войско и собрал и выстроил его верстах в семи от Казани. Здесь встретил он своего самого упорного врага. Пять часов продолжалось сражение, и Пугачев был разбит и отступил. Михельсон занял Казань. Преследовать Пугачева он не мог, так как загнал уже всех своих лошадей в упорной погоне.

Впрочем Пугачев ушел недалеко. На другой же день он снова напал на Михельсона. Однако пушки

врага снова принудили его отступить. В негодовании на свои неудачи Пугачев сделал еще одну попытку. Собрал войска, сколько мог,—набралось до пятнадцати тысяч,—прочел манифест, в котором объявлял о своем намерении идти на Москву, бросился в третий раз на Михельсона,—и в третий раз потерпел поражение и вынужден был спасаться бегством. Войско его рассеялось. Башкиры здесь окончательно от него отказались и ушли на Урал. Он обманул погоню быстрыми передвижениями и снова на Волге, на Кокшайском перевозе, собрал большой отряд. Но теперь уже с ним не было Белобородова, который был схвачен в окрестностях Казани. С ним победители обошлись более жестоко, чем с кем бы то ни было из пугачевцев, наказанных по подавлении восстания. Он попал под горячую руку. Его секли кнутом. Это само по себе страшное наказание, обычно исключало смертную казнь. Но Белобородова, несмотря на это, все же потом казнили в Москве.

Так понемногу таяли вокруг Пугачева сильнейшие его сподвижники.

IX

Пугачев перешел Волгу. Здесь только и ждали его. Поголовное крестьянское восстание вспыхнуло и разлилось по всему Поволжью. Он еще раз обратился с манифестом к крестьянам. «Жалуем сим именным указом, с монаршим и отеческим нашим милосердием... вечно казаками, не требуя рекрут-

ских наборов, подушных и прочих денежных пода-тей... кон дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать»...

Небывалой еще бурей разбушевалась «пугачевщина». Помещики, воеводы, чиновники не знали, куда бежать. Их вешали, убивали, истребляли бес-

пощадво. Грабили, разбивали усадьбы, горели «дворянские гнезда». Заняты города Курмыш, Алатырь. Взят город Саранск. Тут встретили Пугачева не только крестьяне, но и духовенство и купечество. Несколько десятков дворян были тут же повешены.

После побед Михельсона под Казанью петербургское правительство было уверено, что с Пугачевым покончено,—осталось только поймать его и казнить. Известия о новом страшном восстании произвело удручающее впечатление. Упорный мятеж, тянувшийся целый год, заинтересовал уже и иностранные дворы. Пошли сплетни об интригах враждебных держав. Решено было еще раз сменить главнокомандующего. Вместо верешительного Щербатова назначен был граф Панин, тот самый, у которого когда-то Пугачев служил хорунжим при осаде Бендер. Весьма кстати для правительства только что победоносно кончилась война с Турцией. Освобождалась большая армия, занятая на турецкой границе. Между прочим историки замечают, что победоносные войска редко поддаются революционным настроениям.

Однако, несмотря на ярость новой вспышки восстания и на видимый успех, у восставших не было уверенности, что все это кончится добром, не было прежних надежд на что-то новое, что в начале восстания связывалось с одним именем Петра III. Казалось, только бы сорвать злобу, выместить обиды, а там будь, что будет.

Злобная и смертоносная буря кружила по поволжским селам и городам, сметая помещиков. Но Башкирия больше не принимала в этом участия. Заводское население Урала, отрезанное царскими войсками, осталось далеко на севере. И стояли показаться одному хорошо вооруженному отряду регулярных войск—и отдельные, распыленные группы

повстанцев бежали после недолгого сопротивления. Не было единого крепкого центра. Сам предводитель потерял веру в успех дела, потерял многих сильных помощников, а остальные, также изверившись во всем, замыслили измену.

По переходе Волги ближайшие товарищи Пугачева уговаривали его идти на Москву. Дорога была открыта. «Время идти в Москву и принять престол»,—говорили ему казаки. И вот тут-то, в решающий момент, когда от выбора направления зависела может быть судьба восстания, Пугачев не решился идти прямо на Москву и свернул на юг. Когда желанная цель оказалась близка, ему изменило мужество и уверенность в себе. «Нет, детушки, не пришла еще моя пора»,—говорил он. Может быть недавние поражения отняли у него веру в успех, в возможность справиться с силами правительства. Может быть он не доверял уже товарищам, чуял измену среди них.

Товарищи его, раздраженные его нерешительностью, предвидя неудачу, снова мечтают спасти себя ценой предательства. На этот раз Перфильев заводит сношения с властями, предлагая выдать предводителя. Ему не доверяют, но от переговоров не отказываются. Бегство Пугачева сообщникам его невыгодно. Они не хотят выпустить из рук драгоценный залог на случай провала дела. Но, уговаривая его идти на Москву, они были искренно уверены, что еще не потеряна возможность полной победы. Дорога не защищена, население подымается и

поддерживает восстание. Кто знает, что было бы, если бы повстанцы двинулись на Москву.

С этих пор у Пугачева имеется одно стремление: как бы покончить со всем этим предприятием, которое представляется ему безнадежным. Он желает пробиться на Кубань, а оттуда уйти за границу, в Персию или в Турцию.

Между тем Михельсон гнался за Пугачевым. Из Симбирска шел генерал Муффель, за ним генерал Меллин. Пугачева обходили с трех сторон. Он подошел к Пензе. Жители встретили его на коленях, с иконами и хлебом-солью. То же произошло и в Петровске. Из обоих этих городов Пугачев вывез пушки, порох и ядра. Наконец 5 августа он подошел к Саратову.

В Саратове начальство (в том числе Державин), ожидая появления Пугачева, пререкалось, как лучше защищать город да где делать укрепления. Когда же Пугачев начал обстреливать город, триста саратовских артиллеристов передались ему. Начальство успело спастись бегством, а город был взят восставшими.

В это время войско Пугачева, разношерстное, сборное, чем попало вооруженное, не подчинялось никакой дисциплине. Восстание все больше принимало характер жестокого и бессмысленного бунта. Города, даже добровольно сдавшиеся, бывали тотчас разграблены. Всяческого рода насилия терпели не только уже дворяне и богачи, а все, кто попадался под пьяную руку. Неладья между отдельными группами повстанцев еще усиливали дезор-

ганизованность, хотя численно войско еще росло. К Пугачеву примкнули волжские казаки. Также пристали к нему немецкие колонисты.

Пугачев двинулся вниз по Волге. За Саратовым его догнал отряд из семисот заводских крестьян, шедший за ними от самой Казани под начальством яицкого казака Ходина.

В Саратов же, по следам Пугачева, вошел Михельсон.

Один из пугачевских «генералов», Овчинников, взял город Дмитриевск (Камышин) после небольшого сопротивления со стороны коменданта. Жители встретили Пугачева торжественно.

За Дмитриевском произошло сражение пугачевцев с правительственными войсками. Тут были против них донские казаки и колымки под начальством князя Дондукова. Благодаря тому, что калмыки сразу же побежали, испугавшись пушечных выстрелов, сражение было выиграно пугачевцами. На другой день к Пугачеву явился, с предложением «подданства», один калмыцкий князек и привел с собою три тысячи калмыков. Кое-кто из донских казаков тоже примкнул к Пугачеву. Вообще же донцы все время сражались на стороне правительства. Но и перешедшие на сторону Пугачева скоро его покинули.

Пугачев подошел со стороны Волги к Царицыну. Но этот город был хорошо укреплен и защищался энергичным комендантом. Правда, среди солдат было беспокойно. Один канонир сомневался даже, стоит ли укреплять город: «На что трудятся на-

прасно, вскоре же достанется батюшке Пугачеву». Но начальству удалось подавить опасное брожение.

Яицкие казаки попробовали вступить в переговоры с донскими казаками, входившими в состав гарнизона, но безрезультатно. Открыли канонаду по городу. В это время пришла известие, что подходит какая-то воинская команда. Опасаясь, что это Михельсон, Пугачев отступил от города.

✓ За время этого похода Царицын был первый город, который не сдался Пугачеву. С этого времени удача покинула его окончательно.

Михельсон с двумя другими генералами действительно через несколько дней вступил в Царицын.

Пугачев шел к Черному Яру. Михельсон за ним по пятам. Верстах в 60 за Царицыным они столкнулись. Пугачевцы с мужеством отчаяния приняли неравный бой и сопротивлялись до последней возможности.

Рапорт Михельсона: «...получена совершенная победа над злодеями, конх на месте сражения, в догонку и в лесу над Волгою побито и потоплено до 3 000 человек... живых взято более 6 000 человек, в числе конх и двое маленьких девок—Пугачевы дочери».

X

Пугачев с женой и маленьким сыном бежал в сопровождении жалких остатков разбитого войска. С Перфильевым они разъехались и потеряли друг

друга во время бегства. Овчинников без вести пропал в сражении.

Беглецы переправились на левую сторону Волги. Но не сразу. До переправы пришлось гнать по берегу верст 80, пока ушли от погони. Переправу проделали в два приема. Сперва на остров посередин-

не Волги, на немногих, найденных на берегу лодках. Кому лодок не хватило, бросались в плавь и многие потонули. Поэтому с острова на другой берег стали переправляться на плотах. Казаки наделали маленьких легких плотов, связанных веревкой. На такой плот нагружалось седло и одежда, легкий багаж, плот «припрыгался» к хвосту лошади, люди же держались за гриву лошадей и таким образом переправлялись вплавь.

Когда Пугачев перешел на левую сторону Волги, с ним было всего около тридцати казаков. Потом

остатки рассыпавшегося войска собрались к нему, и образовался отряд человек в полтораста.

Этот маленький отряд затерялся в степи. Но его усердно искали. Всюду рыскали разъезды, везде в степи расставлены заставы. Свежие войска перебрасывали с турецкой границы в Заволжье. Сам Суворов, непобедимый полководец, ехал ловить самозванца. Все уголки в степи обшарили. По берегам рек жгли заросли камыша, чтоб негде было спрятаться «вору». И казаки увидали, что им не уйти.

При Пугачеве оставались Иван Творогов, Федульев, Федор Чумаков и еще несколько человек из его бывшего штаба. Пугачев пытается стронуть планы. Предлагает пробраться к Каспийскому морю, даже мечтает поднять киргизские орды на Каспии и с ними вернуться в Россию. Его товарищи для вида соглашаются с ним, а думают свое.

Сговорились пока пробраться на Узени. Большая и малая Узень—это две степные речки, в степях родившиеся и пропадающие в степных озерах между Волгой и Яиком. Там были раскольниковы поселения и туда часто спасались беглецы.

В одном таком селении остановился пугачевский отряд.

Здесь спутники Пугачева договорились между собой, пришли к окончательному решению и дальше Пугачев не поехал. Товарищи отобрали у него оружие и сказали ему: «Долго мы с тобой ездили. Теперь ты с нами поезди».

Они повезли его в Яицкий Городок. По дороге

пленник несколько раз делал попытки бежать, кричал, чтобы вязали изменников, но его уже никто не слушал.

В Яицком Городке Пугачев был сдан коменданту и тотчас посажен в колодки. Заодно арестовали и его спутников, впредь до разбора дела. И через несколько дней сюда же привезли схваченного Перфильева. Великая новость разнеслась по всей империи.

Правительство торжествовало победу.

Пленников повезли в Москву.

Победители, в полном презрении к «злодею», перед которым недавно трепетали, везли Пугачева в клетке, как дикого зверя, напоказ всем верноподанным, чтобы видели, что самозванец действительно пойман и нет больше головы у восстания, и не на кого больше надеяться бунтовщикам.

И катилась по дорогам железная клетка на двух колесах. Сидел в ней в тяжелых оковах Емельян Пугачев, недавний царь Петр III. Крепкий конвой сопровождал клетку, и сам Суворов командовал им и по ночам не брезговал лично стоять на карауле у клетки пленника. И по дороге выбегали люди поглазеть на странное зрелище. Что бы ни думали они, глядя на пленника, вслух ничего не говорили.

В Симбирске встретил Пугачева граф Панин и между ними произошла следующая сцена. «Как смел ты, вор, назваться государем?» — закричал на него Панин.

«Я не ворон, а вороненок, — сострил Пугачев, — а ворон-то еще летает». Вzbешенный Панин бросился

на него и собственноручно избил и даже вырвал клоч бороды.

Всех схваченных вожakov восстания привезли в Москву. Началось дело. Ползими прошло, пока тянулось следствие. Наконец вынесен приговор: Пугачева и Перфильева четвертовать, Чике отрубить голову, Шигаева, Подурова и Торпова повесить. Еще восемнадцать человек наказать кнутом, вырвать ноздри и сослать на каторгу. Группа казаков,

в девять человек, выдавших Пугачева, была помилована правительством. Их только лишили казацкого звания и сослали.

10 января 1775 г. в Москве, на Болоте, в присутствии огромных толп народа, происходит казнь, по всем правилам печального этикета. Стоит жестокий мороз, и среди облаков морозного

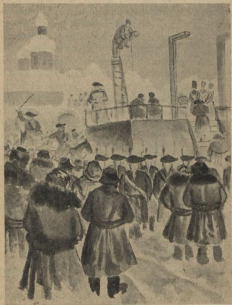
пара воздвигается высокий, видный всем эшафот, окруженный караулом. На нем плаха и виселицы. Привезли осужденных, и толпа затаила дыхание. Трещит барабанная дробь, затем чиновник читает приговор. «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?»—громко спрашивает обер-полицмейстер. Пугачев также громко дал утвердительный ответ.

И, как принято по старинному степенному обычаю, осужденные крестятся на церковь и прощаются с народом, кланяясь на все четыре стороны: «Прости, народ православный»... Палачи принимаются за работу. И тут происходит некое недоразумение. Вместо четвертования палач просто отрубил голову Пугачеву и Перфильеву. Вздумал ли палач на свой страх сократить мучения казнимых, или был на то тайный приказ императрицы, осталось неизвестным. Четвертовали мертвые тела и выставили напоказ народу, через несколько же дней сожгли и пепел развеяли по ветру. Шигаев и Подуров были вздернуты на виселицу с третьим своим товарищем Торповым. Зарубина тоже привезли на казнь, но пока лишь в качестве зрителя. Сейчас же после казни Чику повезли в Уфу, чтобы отрубить ему голову в тех местах, где он некогда «злодействовал» и где все его знали. С ним казнен и помощник его Губанов.

Две вдовы Пугачева и дети его сосланы были в Кексгольмскую крепость. Только уже внук Екатерины, Александр I, разрешил им жить свободно в городе.

От Пугачева остался портрет, писанный худож-

ником по специальному заказу императрицы. На портрете надпись: «Если кто не видывал врага оте-

чества большого, тот смотри здесь на личину Емельки Пугачева».

Местность, охваченная восстанием, еще долго не

успокаивалась. Суворов и Панин еще целый год оставались там и усмиряли бунт. Панин проявил большую жестокость. Он вешал и сек и свирепствовал так, что даже императрица находила его излишне усердным. В Башкирии еще долго сопротивлялись Салават и старый Юлай, пока сила не одолела и их. Чтобы изгладить из памяти людской всякое воспоминание о восстании, с той поры реку Яик переименовали в Урал—по имени уральских гор, Яицкий Городок назвали Уральском, станицу же Зимовейскую—Потемкинской.

Так закончился «пугачевский бунт».

Это не был бессмысленный, беспорядочный бунт, как его изображала буржуазия.

Под знаменем Пугачева объединились и крепостные крестьяне, и казаки, и рабочие, и городская беднота, и все угнетенные мелкие народности,—словом чуть не поголовно все население восточной окраины Европейской России и Поволжья, не выдержавшее все усиливающийся гнет крепостного режима. Армия пугачевцев была не плохо вооружена, пугачевцы проявили большую организованность. И все же это великое крестьянское восстание было подавлено.

Слишком темны и невежественны были еще народные массы, рабочие того времени еще не были сознательным, организованным пролетариатом, да и мало их было.

Трудящиеся еще плохо разбирались в своих интересах и не умели их как следует защищать.

Все осталось как было—безответственная самодержавная власть на основе крепостного права, произвол чиновников и взяточников,—всему этому суждено было еще долгие годы процветать на Руси.

И все же каждое восстание, каких еще много было потом, каждый бунт, хотя бы неудачный, были уроками, были шагом вперед, пока наконец бунт не вырос в революцию.

